
Александр Федорович Котс

Два выступления на музейных конференциях.

Проф. А.Ф. Котс

I. Слово старого музейца в первый год войны. (Речь на собрании Музейных Работников в Историческом Музее, летом, 1942 года)

II. «О помощи музеям разокупированных мест»(Декабрь 1943 года)

1942-1943.

Товарищи! Как старейшему по стажу музейному работнику, да будет мне позволено от имени товарищей-музейцев обратиться перед закрытием нашей Конференции с немногими словами благодарности и ...обещания.

Мне думается, что я не ошибусь, сказав, что всем нам эта Конференция дала чрезвычайно много и это побуждает нас открыто высказать большую благодарность строителям ее, — **Наркомпросу** в целом, в лице тов. А.Д. **Маневского**, Музейно-Краеведческому Отделу и Институту Музейно-Краеведческой работы, в лице тт. **Кряжина**, **Врочинской** и **Комаровой**.

Еще менее я ошибусь, открыто заявив, что вся работа Конференции нами воспринята не только как ценнейший стимул для последующей нашей работы, но и как почетное, ответственное обязательство, и это обязательство мы должны выполнить во что бы то ни стало.

Это обязательство — почетно и ответственно: хранить, оберегать еще настороженнее, чем прежде, доверенные нам культурные сокровища, приумножать их, претворять их в лозунги и знания на пользу боевого фронта, боевого тыла, а по окончании войны использовать их в целях заживления тяжелых поражений, нанесенных ею нашей Родине.

И я уверен, что в работе этой нам поможет **Наркомпрос**, в частности его Музейно-Краеведческий Отдел, поможет Институт Музейно-Краеведческой работы, но поможет также в широчайшей мере пережитый нами первый грозный год Великой Отечественной Войны, — год испытания убеждения и воли каждого из нас.

Этот минувший год — год огневой закалки — уже многому нас и научил.

Он показал нам, как нам дороги наши музеи, как мы любим их и наше дело, как самая жизнь наша падала и поднималась вновь в зависимости от того, как возрастала или падала угроза для сохранности оберегаемых нами ценностей.

Мы поняли, что мы навеки рисковали потерять, чего — увы! мы навсегда лишились...

За истекший год мы научились справедливее ценить людей, расценивать дела. Мы научились отличать активных, преданных работников музеев от — пусть единичных — доктринеров и говорунов. Мы научились различать, где подлинное золото и где — фольговый блеск, где полноценные музейные сокровища и где — пусть в единичных случаях — «музейный маргарин»...

Мы окончательно изжили за минувший год остатки прежнего «культурнического» подхода в области музейной практики бессмысленного накопления фактов и предметов и привешивания к ним — идеек, бесполезных в жизни и пригодных только для академических дебатов и листовок.

Глубже и конкретнее мы поняли, что настоящая наука безраздельно связана с ее служением народу, и что подлинное мастерство, действительное овладение предметом — есть единственная прочная гарантия против вульгаризации, науки, о которой нас предупреждал когда-то В.И. **Ленин**.

К нашему стыду и горю, мы должны признать, что если до войны, в условиях мирного труда мы склонны были недооценить все то, что говорили нам улыбки нашей советской молодежи, то теперь нам досказали слабые улыбки раненных бойцов в обслуживаемых нами госпиталях и лазаретах..

Именно они нам подсказали, именно они нас убедили в том, что раненым бойцам, как вообще народу, требуется полноценная наука, а не знание из десятых рук.

Короче: за истекший год Войны — живее, жизненнее, ярче осознали мы самих себя как **патриоты** и как **просвещенцы**.

Как сыны и дочери великого народа, на который свои взоры обратил сейчас весь культурный мир в надежде и уверенности, что на долю нашего народа выпала остановить ту черную волну невиданного варварства, в котором — еще немного и казалось захлебнется вся культура мира...

Как советские просвещенцы мы за этот год прониклись большей гордостью к этому званию — званию работников и деятелей Наркомата, возглавляемого не только выдающимся ученым но и величайшим знатоком педагогического дела, В.П. **Потемкиным**, которому с этого места мне хотелось бы сказать:

Владимир Петрович! Еще живы Ваши давние и благодарные ученики, которым 40 с лишним лет тому назад, в тисках «деляновских» гимназий Вы давали замечательные образцы того, как можно излагать высокоую науку в изумительных по глубине художественных образах!

И вот, суммируя все сказанное, я беру на себя смелость от лица товарищей-музейцев выступить с ответственным лозунгом и предложением:

Мы все, музейные работники, будем бороться за снискание звания «**снайперов**», сверх-метких деятелей на музейном фронте, не в заносчивом и вздорном смысле обладателей «сверхзнаний», но в том смысле, чтобы стать «**сверхлюбящими**» свое дело и «**сверхпреданными**» своей **Родине!**

И вот, подобно снайперу-бойцу, который дорожит каждым патроном при защите каждой пяди вверенной ему родной земли, так, мы, музейцы, обещаем горячо отстаивать каждый предмет, доверенные нашей охране, каждую птичку или бабочку, музейного собрания...

И пусть наша горячая уверенность в победе и любовь к нашей единой Родине и наша ненависть к врагу стоят за каждым перышком нашей музейной птички и за каждым крылышком нашей музейной бабочки!..

Равнение по боевому фронту! Вверенные нам музейные сокровища насытить до предела пламенной любовью к Родине и острой ненавистью ко врагу и как «идейные заряды» бросить их на службу боевого фронта, боевого тыла!

В этом смысле разрешите мне закончить выступление мое словами, уже сказанными здесь:

Да здравствует наша **Красная Армия**, — наша защитница, своим ратным подвигом обороняющая нашу Родину, ее бесценную культуру, ее счастье, ее гордость и ее достоинство!

Да здравствует ее великий и любимый Вождь — **Иосиф Виссарионович Сталин!**

(проф. А. Котс)

О помощи помощи музеям разокупированных мест.

(Декабрь 1943)

Не в первый раз на мою долю выпадает глубоко ответственная роль: почетная обязанность, или вернее говоря, потребность выступить от имени тт. музейцев в дни Великой Отечественной Войны.

Полгода с небольшим тому назад — мне как старейшему музейцу предоставлена была возможность — подвести главнейшие итоги вне формальной внешним достижениями или утратам-то задача ведомственных отчетов, — но тем чувствам, помыслам и упованиям — о которых ничего не говорит сухой язык официальных донесений и тем больше — жизнь каждого из нас — сынов и дочерей нашей Великой Родины в это великое переживаемое нами время.

В чем же — так естестве но спросить себя — в чем же главнейшее отличие в переживаниях, и помыслах и чувствах, нас музейцев ныне и шесть месяцев тому назад?

Я думаю, что я не ошибусь, определив этот идейный и эмоциональный сдвиг двумя словами, теми которыми мне довелось закончить прошлый год мое естественное слово: именно: «**равнение по фронту!**» или, говоря точнее, проще и определеннее: «от обороны — к наступлению».

И в самом деле. Полгодатому назад — главнейшую задачу нашу музейцев, можно было выразить двумя словами: «**Уберечь и сохранить!**»

Сейчас, шесть месяцев спустя, мы уделяя максимальное внимание вопросу о сохранности, учете и облегании наших музейных ценностей — не можем, не должны, не смеем — ограничиться лишь этой консервирующей, охранительной работой — но обязаны ее пополнить и сопровождать работой **творческой и созидательной**:

Впервые за все время, что идет война, встречавшиеся музейные работники в условиях и обстановке явного решительного перелома на полях сражений.

В чем же главнейшее отличие в переживаниях, помыслах и чувствах нас, музейцев, минувшим летом, двадцать месяцев ныне и назад?

Я думаю, что я не ошибусь, определив этот и эмоциональный идейный сдвиг двумя словами, теми самыми, которыми мне довелось закончить в прошлый год мое приветственное слово: именно «равнение по **фронту!**»

Проще и определеннее: «От Обороны — к **наступлению!**» И в самом деле. Двадцать месяцев тому назад — главнейшая задача нас, музейцев, можно было выразить двумя словами: «**Уберечь и сохранить!**»

Продолжая уделять предельное внимание вопросу о сохранности, учете и оберегании наших музейных ценностей — мы не должны, не смеем ограничиться лишь этой консервацией, этой охраны, но обязаны ее пополнять и сопровождать работой **творческой и созидательной**.

И в наивысшей степени это касается тех мест, и тех музеев, тех товарищей, которым до конца пришлось изведать на себе всю тяжесть вражеских нашествий.

К ним, этим наиболее пострадавшим съехавшимся к нам товарищам, — «фронтовикам-музейцам» я направлены по преимуществу мои последующие слова.

Начну я с выражения глубокой радости — что столь давно уже обещанная встреча с Вами — ныне состоялась: как первейшее условия реального и плодотворного контакта.

В чем же осязательно-конкретно может выразиться эта наша встреча, в чем ее реальные итоги?

Как **музейцу**, с давних лет привыкшему вращаться в мире образов и выражаться образами разрешите мне облечь последующие мои слова в сугубо-образную форму.

Но сначала скромная биографическая справка: С первых дней войны на мою долю выпала почетная и благодарная задача по обслуживанию раненых бойцов и командиров, временно нашедших помощь, ласку и уход в московских лазаретах.

Прочитав доселе — в клубах и палатах Госпиталей 700 лекций, обслужив десятки тысяч раненых, я неизбежно и невольно склонен приносить в мои суждения и речи госпитальные сравнения и образы.

И вот, охватывая общим взглядом этот мой громадный и в известном смысле уникальный опыт, вспоминая тысячи больных и раненых моих былых друзей на койках лазаретов — мне я с не малым изумлением замечал, как часто быстрота выздоровления не соответствовала тяжести недуга, и обратно относительная легкость поражения — вызывало долгое недомогание.

Припоминается одна орденоска-медсестра, которая имея целые 13 ран, (отчасти с переломами костей) оправила настолько, что в несколько месяцев готовилась танцевать, образ ампутированного «оптимиста» с жаром говорившего о своих планах после выписки из лазарета.

И вот сопоставляя или сравнивая все эти примеры или случаи, невольно приходилось убеждаться в разнородности условий или факторов выздоровления.

Это — во-первых: как те же или сходные недуги разным образом переживались разными больными, те же или сходные манипуляции — способы лечения приводили к разным результатам.

И теперь второе: крайне важным и порой решающим условием быстреешего выздоровления — являлось не одно только проведенное манипуляции, будь то переливание крови, и снабжение протезами — и не одни лишь консультации и увещания, но всего прежде бодрое оптимистическое настроение больного, его твердое желание, намерение — поправиться во что бы то ни стало.

Таковы мои прямые наблюдения в госпитальной моей практике как лектора при ежедневном, длительном общении с больными или ранеными временными обитателями лазаретов.

А теперь попробуем со всемогорами прикинуть, применить отмеченные мною факты госпитальной практики к проблеме помощи Москве, которую московские музеи смогут оказать своим младшим товарищам из разокупированных мест.

Начну с оптимистического убеждения, что как бы ни были значительны уроны, поражения нанесенные врагом Вашим музеям — но в широкой мере эти раны все же излечимы.

И вопрос только о времени, о сроках и о методах, приемах, способах этих лечений.

Вероятно я не ошибусь, предположив, что всего менее Вы ждете от словесной помощи.

Да и понятно: обескровленным раненым словами не поможешь как нельзя словами заменить протеза.

Но не более разумными являлись бы попытки оживить, дать полноту и бодрость слабому обескровленному телу жертвуя здоровым, обескровливая это бодрое живое тело, ради сохранения другого, слабого, бесильного.

И применяя сказанное к музейной практике возможно было бы сказать: влить в обескровленные жилы пострадавших от врага музеи — экспозиционной крови — есть обязанность столичного музея и музейца, но лишь при условии, что этой операцией не обескровливается «музеи-донеры». Полезно помнить, что как в медицинской практике есть разница, берете ли вы кровь из целостного организма, от живого человека или из готовых приготовлений заранее фондовых запасов — фондов — так и области музейной практики — одно дело — заимствовать из сырьевых дублетных фондов и другое — дело из экспонатуры, из объектов, предназначенной для таковой или из научных, собственно-научных целостных в своем составе материалов.

Говоря иначе: глубоко желательное как реальнейшая форма помощи — «переливание музейной крови» допустимо только при условии «полнокровности» музея-донера.

В противном случае Вы можете невольно оказаться в роли медика, который не помог радикально своему больному только обескровил полнокровное доколе тело.

Все равно, как если бы пытаться «реставрировать» наш Истринский собор за счет Василия Блаженного.

Полезно помнить, что как в госпитальной практике одно предоставление протезов — не освобождает раненого от активнейших усилий над собой для приучения контуженных конечностей к самостоятельным движениям — так и в музейном деле никакие временные «протезы» — в форме передачи тех или иных отдельных материалов или экспонатов — не являются решением вопроса.

Нужные, полезные, кратковременные меры — временные замещения полноценных **местных экспонатов**, и переданные из других музеев вещные объекты только в редких случаях способны заменить предметы, собиравшиеся местными работниками и в определенных местных целях или интересах.

Будем помнить: всякий подлинный музей есть организм, а не мозаичное собрание предметов, и как всякий организм каждый подлинный музей не создается сразу, требуя определенного периода роста и развития.

Можно и должно и особенно в условиях катастрофических, парируя последствия военного разгрома, — стимулировать и ускорять «строительные темпы» — значит смешивать «музеи» с «Выставками», цели и задачи массовых музеев и учебных.

И насколько сознание последних — сводится к затрате знания и средств, и может быть достигнуто в кратчайший срок настолько же организация действительных музеев — требует помимо этих двух условий — еще третьего и именно: **времени** — десятков лет упорного целенаправленного и энтузиастичного труда. Именно так и только так слагались все научные музеи, и конечно, никакие средства **Третьякова**, не смогли бы привести к созданию знаменитой Галлерей, не пошли ему судьба сравнительного долголетия.

Отсюда первый вывод: Как бы ни старались мы отличные музейцы горячо откликнуться на Ваши нужды — но готового Музея или даже лишь подобия его Вы из Москвы с собой домой не повезете!

И конечно, даже в лучшем случае в готовом виде или в форме мы Вам дадим с собою или обязательство присылки в близком будущем отдельных образчики или комплекта экспонатов с тем, чтобы последние вам послужили "узловыми точками для образования прочей экспозиции.

Как брошенный в раствор кусок кристалла делается центром для образования других кристаллов — так и переданные вам от нас объекты — пусть послужат в роли этих центров, обрастания экспонатурой но уже на почве местных материалов и в итоге ваших собственных усилий.

И как самое искусное переливание крови, или самые искусные протезы не дадут выздоровления без психического фактора усилий воли самого больного — так и самая активная живая вещная поддержка здесь в Москве — не выявит своей реальной пользы — без творческой энергии и целеустремленности Вас — местных деятелей на музейном фронте.

Но, как быть, так опросят нас, — в тех случаях, когда утрата, нанесенная врагами невосстановима, когда речь идет о ценностях, навек потерянных и невосстановимых?

Отвечая на вопрос, я снова обращаюсь к аналогии.